

БРАТСТВО МОНАХОВ-ВОИНОВ

История Иерусалимского, Родосского и Мальтийского державного военного Ордена госпитальеров Св. Иоанна⁴, называемого также Орденом иоаннитов, или госпитальеров, уходит своими корнями в глубокую древность. Известный мальтийский историк Г. Шиклуна, долгое время работавший директором Национальной библиотеки Валетты, пишет, что первое упоминание о монашеском братстве госпитальеров относится к IV веку н. э., когда христианские пилигримы устремились к Святым местам⁵. Свое название братство получило от госпиталя, или странноприимного дома (хосписа), основанного им в Иерусалиме. Госпиталь в Иерусалиме продолжил свое существование и после захвата Святых мест христианства мусульманами. Начиная с IX в., когда Кара Великий получил от халифа Гарун ар-Рашида право покровительствовать христианским паломникам, заботу о Госпитале взяла на себя община монахов-бенедиктинцев. Монахи давали приют паломникам, лечили больных.

Между 1023 и 1040 г. несколько купцов из Амальфи⁶, города на южном побережье Италии, являвшегося вплоть до конца XVI в. одним из центров левантийской торговли, основали новый госпиталь либо же, что вероятнее, восстановили старый, уничтоженный в 1009 г. вместе с другими христианскими святынями Иерусалима по приказу египетского халифа Хакима. Персидский путешественник Насир Хосроу, посетивший Святые места в 1047 г., свидетельствовал, что это было выдающееся для своего времени медицинское учреждение, в котором лечилось большое количество больных.

Относительно местонахождения Госпиталя современные исследователи высказывают две основные версии. Согласно первой, Госпиталь находился в Иерусалиме, недалеко от церкви Иоанна Крестителя, построенной на участке земли, принадлежавшем, по

преданию, его родителям Захарии и Анне. На этом месте, в иерусалимском районе Мористан, и сегодня существует греческая православная церковь Иоанна Крестителя (французские археологи из иерусалимской Школы библейских исследований ведут раскопки в ее крипте, относящемся ко временам крестоносцев). Сторонники второй версии ассоциируют Госпиталь с женским бенедиктинским монастырем, при котором была построена церковь Богоматери Латинской (ее портал и сегодня можно видеть в боковом портале протестантского храма Спасителя напротив русского Александровского подворья). Обе церкви — Иоанна Крестителя и Богоматери Латинской находились по соседству (на расстоянии «броска камня») от храма Гроба Господня.

Близкое соседство церкви и бенедиктинского монастыря дало основание предположить, что Госпиталь, возможно, был один, но состоял из двух отделений — для мужчин и для женщин. 24 июня — день поминования Иоанна Крестителя в церковном календаре — стал самым торжественным праздником иоаннитов. Ряд специалистов, однако, не исключают, что упоминание в его названии Св. Иоанна было первоначально связано не с Крестителем, а с епископом Александрийским Иоанном Милостивым, помогавшим иерусалимскому патриарху Модесту восстанавливать храм Воскресения и Гроба Господня после его разрушения халифом Хакимом⁷.

Значение монашеского братства служителей Госпиталя (госпитальеров) особенно возросло в эпоху крестовых походов (1096–1291). Когда 15 июля 1099 г., во время первого крестового похода, крестоносцы под предводительством Готфрида Бульонского вступили в Иерусалим, они нашли Госпиталь действующим⁸. В знак благодарности за помощь при взятии города Готфрид Бульонский щедро награждал госпитальеров. Однако в чем конкретно состояла эта помощь, достоверно неизвестно. До наших дней дошла лишь легенда о том, что Жерар, глава монашеского братства, самоотверженно пытался помочь своим единоверцам во время осады. Зная о том, что в стане осаждающих начался голод, он сбрасывал со стены города на головы воинов Готфрида Бульонского не камни, а свежеспеченный хлеб. Жерара схватили, ему угрожала смерть, от которой он был избавлен чудесным образом: на глазах судей, перед которыми он предстал, хлеб превратился в камни. Многие рыцари вступили в братство; вскоре оно взяло на себя защиту паломников в их путе-

пешствиях к Святым местам. Госпитальеры не только строили больницы, но и укрепляли крепости по дорогам пилигримов.

Глава братства госпитальеров брат Жерар был выходцем из французского Прованса (по версии бенедиктинцев — из итальянского Амальфи)⁹. Судя по всему, Жерар обладал не только замечательным благочестием, позволившим госпитальерам причислить его к лику святых, но был дельным организатором. Его усилиями братство было преобразовано в монашеский орден. Когда члены его явились к храму Гроба Господня и в присутствии иерусалимского Латинского патриарха произнесли три монашеских обета — послушания, благочестия и нестяжания, они вряд ли могли предполагать, что новому Ордену было суждено пережить все остальные средневековые рыцарские ордена и просуществовать до наших дней.

Происхождение мальтийского креста точно не установлено. Считают, что такой крест (белый, на лазурном поле) носили граждане республики Амальфи, но есть версии и о его более древнем происхождении, восходящем к культу финикийской богини Танит. Древнейшее из дошедших до нас изображений восьмиконечного креста в качестве символа госпитальеров датируется 1142 г. — оно обнаружено на одной из банен замка Крак де Шевалье в современной Сирии. Символически восьмиконечный крест госпитальеров толкуется следующим образом: четыре его конца символизируют христианские добродетели, а восемь углов — добрые качества христианина. Белый крест символизирует безупречность рыцарской чести на кровавом поле войны.

В 1104 г. Болдуин I, король Иерусалима, признал братство госпитальеров, а в 1107 г. выделил им участок земли. С этого же времени госпитальеры начали приобретать земельные владения в различных европейских странах. В 1113 г. папа Пасхалий II утвердил устав госпитальеров и предоставил им право самим избирать главу¹⁰. Хартия Болдуина I и булла папы Пасхалия II хранятся в Национальной библиотеке Мальты в Валетте.

Первым великим магистром Ордена, избранным госпитальерами в преемники Жерару в сентябре 1120 г., был Раймон Дюпон¹¹. При нем Орден превратился в военно-монашеский и стал называться Иерусалимским орденом рыцарей-госпитальеров Св. Иоанна. К орденскому одеянию был добавлен для рыцарей черный плащ с белым

крестом на левом плече. В походе рыцари надевали алый супервест с большим белым полотняным крестом спереди.

По новому уставу Орден был разделен на три класса: рыцарей, капелланов и оруженосцев. Для посвящения в класс рыцарей необходимо было представить доказательства дворянского происхождения, которые впоследствии в разных странах были неодинаковыми; особенно строгими требования были в Германии, где рыцарь должен был доказать дворянское происхождение своего рода в 16 поколениях. Это постепенно превратило Орден иоаннитов в самый аристократический в Европе. Под знаком восьмиконечного креста собирались младшие сыновья знатных фамилий, которые не могли рассчитывать на наследство по прямой линии. Рыцарь обязывался быть монахом и принимал обет безбрачия (за весьма немногими исключениями, когда папа своей буллой освобождал его от такого обета). Однако госпитальеры не были монахами в строгом смысле слова. Они не были обязаны удаляться от мира, не носили одежды, отличной от одежды мирян, за исключением креста на левой стороне груди. Для принятия в два других класса Ордена доказательств дворянства не требовалось.

Раймон Дюшан разделил Орден по национальностям на так называемые «языки», или «ланги». Их сначала насчитывалось семь: провансальский, овернский, французский, итальянский, арагонский, германский и английский. Впоследствии к ним был добавлен кастильский; английский язык, уничтоженный Генрихом VIII по настоянию англиканской церкви 24 апреля 1540 г., был восстановлен в 1782 г. в Баварии под названием англобаварского; к этому языку были впоследствии отнесены и два русских великих приорства.

Во главе Ордена стоял великий магистр, избираемый пожизненно. В своих действиях он был ограничен капитулом, или советом, который был обязан созывать во всех важных случаях. За великим магистром следовали пилье (столпы), или бальи конвентуальные, стоявшие во главе каждого из языков. Затем шли великие приоры, или бальи капитулярные. Все они были кавалерами Большого креста. За ними — командоры и, наконец, просто рыцари. Земельные владения Ордена предоставлялись при условии уплаты в орденскую казну так называемых «респонсий» великими приорами, бальи и командорами. Каждые пять лет великий магистр имел право

назначать командором одного из рыцарей. Эти назначения делались обычно по старшинству, однако в отдельных редких случаях учреждались и родовые командорства. Кроме того, существовало несколько командорств, доходами с которых пользовались капелланы и оруженосцы.

Знаком внешнего отличия рыцарей-госпитальеров кроме двух полотняных крестов был золотой, покрытый белой эмалью восьмиконечный крест на черной муаровой ленте, который командоры носили на шее, а простые рыцари — в петлицах. Кавалеры Большого креста также имели подобный крест, но большей величины. Этот крест носился обычно на золотой цепи; над ним располагалась корона, а еще выше — изображение герба рыцаря. С 1691 г. устав Ордена разрешил ношение серебряных крестов, а полотняные были заменены шелковыми. Оруженосцы и заменившие их потом донаты носили крест без верхней ветви, наподобие буквы «Т». Устав Ордена предусматривал, что с разрешения папы в рыцари могли приниматься и лица, не удовлетворявшие всем условиям принятия в Орден. Они получали название рыцарей «по милости», в отличие от рыцарей «по праву». В более поздний период существования Ордена появились и так называемые рыцари благочестия, не принимавшие на себя монашеского обета. Кресты благочестия давались и женщинам¹².

В эпоху крестовых походов рыцари-госпитальеры быстро превратились в могучую военную и финансовую силу. Монархи Европы предоставляли им огромные земельные владения, а папы одаряли не менее значительными религиозными привилегиями. Госпиталь оставался предметом особой заботы со стороны рыцарей. Однако, сопровождая караваны пилигримов в Иерусалим, они нередко умели сражаться лучше, чем ухаживать за больными. В этот период боевой дух госпитальеров был значительно выше, чем у остального крестоносного воинства. Госпитальерам приходилось время от времени военной силой прекращать распри в стане крестоносцев.

Монахи-воины с белым крестом на одежде вписали немало ярких, а порою мрачных страниц в историю крестовых походов. В 1136 г. госпитальерам была поручена оборона замка Бетгемлин на юге Палестины. Этот замок имел значение передового форпоста в обороне крестоносцев против сарацинов, контролировавших ключевой в стратегическом отношении порт Ашкалон. Госпитальеры на свои средства укрепили фортификации замка. Убедившись в их высоких

боевых качествах, граф Раймон Триполлийский передал им еще несколько замков в Палестине.

Совершенно очевидно, что к этому времени великий магистр Раймон Дюшой уже заручился согласием папы на превращение братства в военно-монашеский орден. Несколько ранее подобное разрешение было дано Ватиканом рыцарям-храмовникам (тамплиерам). Госпитальеры много заимствовали у храмовников, или «бедных рыцарей Христа и храма Соломона», первого из трех военно-рыцарских орденов, созданных в Палестине для борьбы с врагами христианской веры. По примеру храмовников глава госпитальеров, именовавшийся ранее ректором или администратором, получил титул великого магистра. Храмовники, госпитальеры и появившиеся чуть позднее тевтонские рыцари, которые также начали с основания странноприимного дома и лишь затем превратились в чисто военный орден, находились в авангарде крестоносцев в многочисленных сражениях от Антиохии до Иерусалима. Отличительным знаком храмовников был красный крест на белом супервесте как у участников первого крестового похода. Госпитальеров узнавали по белому восьмиконечному кресту на алом фоне, а тевтонов — по черному кресту, вышитому на их белых плащах.

Госпитальеры были в зените своей славы, когда Саладин изгнал крестоносцев из Иерусалима в 1187 г. Знаменитый арабский полководец, снискавший себе славу как не только искусный, но и весьма справедливый воин, по каким-то причинам питал к госпитальерам особую антипатию. Попадавших в плен рыцарей он уничтожал без всякой жалости. Впрочем, это было лишь ответом на зверства, которые чинили крестоносцы в Палестине. Еще при первом взятии Иерусалима город был буквально потоплен в крови. В угаре безнаказанного насилия крестоносцы вырезали почти все население города, включая женщин и детей.

Преемник Саладина султан Бейбарс одержал ряд новых блестящих побед над крестоносцами. Используя распри и междоусобицу в их рядах, он овладел большей частью Палестины. В эти трудные для них времена госпитальеры впервые продемонстрировали исключительное умение приспосабливаться к обстоятельствам, не раз выручавшее их впоследствии. В 1236 г. папа вынужден был пригрозить госпитальерам и храмовникам отлучением от церкви, обвинив их в том, что они заключили секретное соглашение с мусульманской

сектой ассасинов. Ассасины, или хашшишины, получили у европейцев это название от гашиша, который употребляли члены секты, с дерзкой отвагой убивавшие франков ударом кинжала на улицах и площадях городов Леванта, невзирая на то, что сами при этом рисковали жизнью. В 1238 г. появилась новая папская булла, обвинявшая госпитальеров в нарушении взятых на себя обетов благочестия и нестяжания. Раздражение Ватикана вызывали и контакты, установленные рыцарями-монахами со знаменитыми во всем средневековом мире сирийскими врачами, у которых они переняли многие секреты арабской медицины.

Можно предположить, что истинные причины нападков Ватикана на госпитальеров были связаны с серьезно возросшим военным и финансовым могуществом Ордена. Самостоятельность, которую начали проявлять великие магистры, вызывала ревность и опасения в Риме. Пережить этот сложнейший период в своей истории госпитальерам помогли огромные финансовые средства, поступающие в казну Ордена согласно завещаниям убитых и умерших рыцарей, доходы от земельной собственности в Леванте и Европе, дары и пожертвования богатых паломников. В значительной степени они расходовались на благотворительные цели. Во многих городах Палестины рыцарями были созданы странноприимные дома, где нуждавшимся раздавали хлеб, одежду, предоставляли кров. Каждый из членов братства посвящал определенные дни уходу за больными, перевязывал раненых, подавал им пищу. В отличие от тамплиеров, у которых орденское одеяние рыцарей отличалось от одежды послушников, все госпитальеры носили одинаковые одежды с белым крестом на плече.

Только начиная со второй половины XIII в. кастовая система укореняется во внутренней жизни госпитальеров, постепенно разрушая аскетические устои монашеского братства. К этому времени становятся доминирующими военные функции Ордена, оборонявшего в Леванте около 50 замков. Госпитальеры, пользовавшиеся услугами выдающихся специалистов своего времени в области военной фортификации, усовершенствовали строительство средневековых оборонительных сооружений. Помимо глубокого рва и высоких неприступных стен они создавали в своих замках и вторую линию укреплений, нередко игравшую решающую роль в обороне от многократно превосходившего их противника. Один из главных зам-

ков госпитальеров — Крак де Шевалье по праву считался наиболее укрепленным рыцарским замком эпохи крестовых походов.

Однако воинское искусство рыцарей Св. Иоанна могло лишь отсрочить, но не предотвратить окончательный разгром крестоносцев. После взятия Иерусалима арабами в 1244 г. крестоносцы были наголову разбиты в Газе. Среди пленных, отправленных победителями в Египет, были и великие магистры госпитальеров и храмовников. Тем не менее, пять лет спустя госпитальеры приняли участие в крестовом походе в Египет, который возглавил французский король Людовик Святой. И вновь крестоносцы потерпели поражение в битве при Мансуре. На этот раз горечь и унижение плена познали не только 25 госпитальеров, включая великого магистра, но и сам король Франции.

Особое мужество госпитальеры проявили при бесславном финале крестовых походов. Ряд замков в Сирии и Палестине они удерживали и тогда, когда крестоносцы уже были изгнаны. Замок Крак де Шевалье они обороняли до 1271 г., Маргат — до 1285 г., а крепость Акку — до 1291 г. Турки обложили Акку огромным войском, состоявшим из 160 тыс. человек пехоты и 60 тыс. конницы. Жители города спаслись на кораблях, а защищать его остались лишь 12 тыс. рыцарей-госпитальеров, тевтонов и тамплиеров. Осада была исключительно тяжелой, рыцари показывали чудеса храбрости, но судьба Акки была предопределена. Госпитальеры во главе с раненым в бою великим магистром Вилье де Лиль Адамом прикрывали отход жителей и вступили на корабли последними. В память о героизме, проявленном госпитальерами, Акка была названа Сент Жан д'Акр (крепостью Св. Иоанна)¹⁵.

Остатки крестоносного воинства, которым удалось спастись после разгрома при Акке, на первых порах нашли приют на Кипре, где правил король Генрих, выходец из династии иерусалимских королей. Госпитальеры, владевшие на острове значительными земельными участками, оказались в лучшем положении, чем большинство крестоносцев, прозябавших в голоде и нищете. Укрепив порт Лимассол на южном побережье острова, они сделали его своей штаб-квартирой. Госпиталь, построенный братством, вскоре приобрел репутацию лучшего на Кипре. Это расположило к госпитальерам местных жителей и дало им возможность выжить в суровых условиях изгнания.

Печальной была судьба другого ордена — тамплиеров. Французский король Филипп Красивый, постоянно нуждавшийся в деньгах, давно уже завистливо поглядывал на их огромные богатства и обширные земельные владения. Действуя в согласии с папой Клементом V, человеком хитрым и беспринципным, и великим инквизитором Франции, бывшим личным духовником короля, Филипп в 1307 г. арестовал находившихся во Франции храмовников во главе с великим магистром Жаком де Молэ, обвинив их в ереси и колдовстве. Под пытками некоторые из храмовников признались, что, согласно державшейся ими в строгом секрете церемонии принятия в Орден, посвящаемый должен был трижды отречься от Христа и плюнуть на распятие. Храмовники были обвинены в поклонении мистическому божеству Бафомету, а также в развратной и разгульной жизни. Известный английский исследователь истории средневековых рыцарских орденов Э. Брэдфорд писал: «Истинны или ложны были обвинения, выдвинутые против храмовников, стало впоследствии объектом долгих дискуссий. Однако вопрос этот не мог быть однозначно решен, поскольку нельзя полагаться на признания, вырванные под пытками, тем более что обвинители храмовников, как было широко известно, были непосредственно заинтересованы в конфискации их земель и денег». Впрочем, короля Филиппа ждало сильное разочарование: вся собственность храмовников, за исключением земель в Кастилье, Арагоне, Португалии и на Майорке, была передана папским эдиктом Ордену Св. Иоанна.

Тевтонский орден просуществовал до конца XV в. После изгнания из Леванта тевтоны стали основным инструментом германской колонизации Пруссии. Деятельность тевтонов на северо-востоке Европы рассматривали в Риме как новый крестовый поход. Территории, которые они завоевали в языческой Пруссии, возводя на них церкви и замки, автоматически оказывались во владении папы. Он же, в свою очередь, передавал их тевтонам в качестве феодального удела. И, тем не менее, тевтонский орден ненадолго пережил храмовников. Он прекратил свое существование в 1410 г. после поражения в битве под Грюнвальдом от соединенных польско-литовско-русских войск под командованием польского короля Владислава II Ягайло.

Госпитальеры оставались на Кипре с 1291 по 1310 г. Здесь им пришлось осознать, что будущее Ордена зависит от владения искус-

ством мореплавания. В 1300 г. в архивах Ордена впервые упоминается о его военном флоте¹⁴. Спустя год в документах госпитальеров начинает фигурировать имя адмирала орденского флота. Мечтая о возвращении в Палестину, рыцари построили на верфях Лимассола свои первые военные корабли — галеры и галеоты. Одновременно великий магистр Вильям де Вилларе, опытный военачальник, коренным образом реорганизовал Орден, уделив особое внимание созданию регулярного военного флота.

Госпитальерам понадобилось всего несколько лет, чтобы полностью восстановить свою ослабевшую в битвах с сарацинами грозную военную мощь. Настала пора вновь переходить к боевым действиям. В 1310 г. генуэзский пират Вильоло де Вильоли обращает внимание великого магистра Фулка де Вилларе (племянника Вильяма) на Додеканезские острова в Эгейском море, с которых было удобно совершать набеги на Левант. Госпитальеры с энтузиазмом воспринимают идею обзавестись собственным островом. Их не смущает, что Додеканезские острова являются владением единоверных византийских императоров. Заручиться согласием папы не составляет труда, и вскоре Орден обосновывается на острове Родос.

РОДОССКАЯ ЭПОПЕЯ

На Родосе, одном из красивейших островов Эгейского моря, Орден оставался 214 лет. Впоследствии, перебравшись на Мальту, рыцари с ностальгией вспоминали о мягком климате и плодородных почвах этого острова, расположенного лишь в 10 милях к югу от побережья Малой Азии.

Местоположение Родоса идеально отвечало планам Ордена, по-прежнему состоявшим в том, чтобы держать в постоянном напряжении мусульманский мир, дезорганизовывая его торговлю. Пролив между Родосом и турецкими владениями в Малой Азии с незапамятных времен использовался как один из основных путей в торговле между югом Европы и Левантом. По нему шли корабли не только со специями, шелками и сахаром, но и с зерном и лесом из Анатолии. Потерпев неудачу в лобовом столкновении с врагами христианской веры, госпитальеры избрали путь затяжной борьбы. На Родосе, славившемся своими моряками, они впоследствии в со-

вершенстве овладели искусством мореплавания и стали «пиратами во Христе». С тех пор ни военные корабли, ни торговые суда турок не могли чувствовать себя в Эгейском море в безопасности.

Когда летом 1307 г. галеры госпитальеров и их генуэзских союзников подошли к побережью Родоса, глазам рыцарей открылась впечатляющая картина. Нетрудно было понять, почему еще древние греки называли сравнительно небольшой — 45 миль в длину — Родос «островом роз». Плодородные, прекрасно возделанные долины лежали по обе стороны горного хребта, проходящего посередине острова. В центре его возвышалась гора Анаваро (1,2 км), с вершины которой можно было наблюдать не только за тем, что происходило вокруг острова, но и за побережьем Малой Азии. Остров располагал двумя прекрасными гаванями: северной — Порто дель Мандраччио и южной — Порто Меркантильо. За ними на горных склонах величественным амфитеатром раскинулся город Родос, о котором еще древнегреческий географ и историк Страбон говорил: «Я не знаю ничего равного или, тем более, превосходящего его».

Целых два года потребовалось Ордену, чтобы утвердить на Родосе свою власть. Только в 1308 г. папа Климент V санкционировал переход Родоса под управление госпитальеров, а в 1310 г. Орден официально перенес свою штаб-квартиру с Кипра на Родос¹⁵. Наконец-то после долгих скитаний рыцари обрели собственный дом. Великий магистр Фуак де Вилларе сделался главой маленького суверенного государства, ставшего самым восточным форпостом христианского мира.

На Родосе окончательно определилась и окрепла внутренняя структура Ордена, не претерпевшая существенных изменений на протяжении многих веков. Именно там сложилась традиция своеобразного распределения обязанностей между восемью языками, входившими в Орден. Так, пилюе итальянского языка имел преимущественные права на пост адмирала орденского флота. Глава французских рыцарей обычно назначался старшим по Госпиталю, пилюе Прованса — главнокомандующим вооруженными силами Ордена, а глава английского языка возглавлял его легкую кавалерию. Великий магистр избирался в собрании рыцарей «по справедливости», каждый из которых должен был провести три года в караване, три года в конvente и иметь не менее чем 13-летний срок службы Ордену в своем ранге. Процедура выборов была очень сложной. Сначала

голосование происходило в языках, где право голоса имели и послушники. Лишь на третьей стадии выборов определялись 16 рыцарей Большого креста, которые и решали судьбу кресла великого магистра. Поскольку большинство в Ордене составляли французские рыцари, то 3/4 всех магистров в родосский период были выходцами из Франции¹⁶.

Первой заботой рыцарей стало укрепление старых византийских фортификаций острова и строительство госпиталя. Для этой цели из Европы были выписаны лучшие специалисты. Особое внимание было уделено строительству новых крепостных стен и башен: в начале XIV в. на смену древним катапультам пришли осадные орудия.

Обновление оборонительных укреплений явилось вовсе не пустой предосторожностью. Уже через два года после того, как рыцари обосновались на Родосе, турки предприняли попытку завладеть островом Аморгос, лежавшим в ста милях к северо-западу от Родоса. Великий магистр Фулк де Вилларе бросил на разгром турок все наличные силы Ордена. В морском сражении у берегов Аморгоса турки потеряли весь свой флот. Эта победа высоко подняла престиж госпитальеров в Средиземноморье.

Военные операции против турок, которые велись практически непрерывно до последней четверти XV в., рождали своих героев. Один из них был Дьедонне де Гозон, избранный великим магистром в 1346 г. С его именем связана одна из легенд, которыми так богата история госпитальеров. Согласно этой легенде, у подножия горы Св. Стефана как-то завелся не кто иной, как дракон. Один за другим рыцари выходили на схватку со страшным чудовищем, однако всех их ждала смерть. Тогда рыцарь Дьедонне, известный своей отвагой, решил использовать военную хитрость. Он выпел на бой с драконом в сопровождении гончих псов. Когда собаки яростно напали на чудовище, Дьедонне, воспользовавшись тем, что внимание дракона было отвлечено, отсек ему голову. Трудно сказать, стоит за этой легендой какой-то реальный факт (возможно, под драконом имелась в виду большая змея или даже крокодил) либо же мы имеем дело с разгулявшейся фантазией госпитальеров, но Дьедонне де Гозон остался в истории Ордена как «рыцарь, победивший дракона». Под предводительством де Гозона рыцари одержали внушительную победу над турецким флотом у берегов Смирны. Этот город оста-

вался их форпостом в Малой Азии до тех пор, пока в 1402 г. не пал под ударами армий Тимура.

Вторая половина XIV в. отмечена последними попытками Европы взять реванш за разгром крестоносцев. В 1365 г. папа Урбан V призвал к новому крестовому походу против неверных. Подготовку к нему возглавил король Кипра Петр I. Летом 1365 г. у берегов Кипра собралась армада парусников, галер и транспортных судов, на борту которых находились рыцари и воины из разных стран Европы. Были там и галеры Ордена Св. Иоанна. Турки не сомневались, что главный удар будет нанесен по Сирии. Однако корабли крестоносцев направились в сторону Александрии, оставшейся одним из красивейших и богатейших городов Северной Африки. Город был взят приступом. Крестоносцы, среди которых особой алчностью и жестокостью отличались венецианцы, предали город огню и мечу. Защитники христианской веры с беспощадным варварством истребляли мирное население, не делая различия между мусульманами, христианами и евреями. Когда перегруженные богатой добычей корабли крестоносцев вернулись на Кипр, стало ясно, что любая попытка развить первый успех была обречена на неудачу. Большая часть крестоносного воинства дезертировала. Однако арабы и турки надолго запомнили безжалостную резню, устроенную крестоносцами в Александрии. Через 60 лет они захватили и опустошили Кипр. С падением Кипра с карты восточного Средиземноморья исчезло последнее латинское королевство. Орден Св. Иоанна остался один на один с набиравшей силу державой турок-османов.

Через два года после разграбления Александрии госпитальеры предприняли успешную морскую экспедицию к берегам Сирии. Десант, высаженный с орденских галер, вернулся с богатой добычей. С этих пор морские набеги на города Леванта, Египта и Малой Азии стали совершаться регулярно. Рыцари поняли, что лучший способ борьбы с превосходящим по численности противником — внезапное нападение. В морских сражениях в Эгейском и Средиземном морях орденский флот обычно превосходил турецкий, состоявший преимущественно из парусников, своей маневренностью, поскольку его основу составляли галеры, особенно эффективные при спокойной воде. Галеры не зависели от ветра и были способны быстро менять направление и скорость хода.

Гребцами на галерах были обычно рабы, плененные рыцарями в сражениях. Многим рыцарям пришлось, в свою очередь, испытать горькую участь галерного раба в турецком флоте. Вот как описывает один из них жизнь на турецкой галере, которая, впрочем, ничем не отличалась от условий существования рабов на галерах Ордена: «Галерные рабы прикованы по шесть к лавке; ширина последней — около 4 футов, и они покрыты шерстью, на которую положены выделанные бараньи шкуры, опускающиеся до палубы. Офицер, отвечающий за галерных рабов, стоит рядом с капитаном, от которого получает приказы. Ему помогают два надсмотрщика. Один из них стоит в центре корабля, а второй — на носу. В руках у обоих кнуты, которыми они хлещут обнаженных рабов. Когда капитан отдает приказ грести, офицер свистит в серебряный свисток, висящий у него на шее; сигнал этот повторяется надсмотрщиками, и сразу же все 50 весел одновременно опускаются на воду. Представьте себе обнаженных мужчин, прикованных к скамьям. Одна нога каждого из них находится на подставке, другая упирается в стоящую впереди скамью. Взявшись руками за тяжелое весло, они одновременно отклоняются назад, без малейшего отдыха или даже перерыва. В таких случаях офицер обходит измученных, находящихся в предобморочном состоянии гребцов, вкладывая им в рот куски хлеба, смоченные в вине. Когда капитан приказывает ускорить ход, случается, что один или несколько рабов в изнеможении падают на лавку. Их секут плетью до тех пор, пока они не перестают подавать признаки жизни, а затем без церемоний выкидывают за борт»¹⁷.

Внешне галера была очень красива. Ее стремительные, обтекаемые формы как бы рвались вперед от возвышающейся над палубой кормы, украшенной резной деревянной фигурой святого, до заостренного, по-шучьи опечерившегося носа. Капитаном галеры являлся обычно один из рыцарей Ордена; ему помогал лоцман-родосец, руководивший матросами, также набравшимися на Родосе. На борту галеры обязательно находились еще один рыцарь, бывший старшим помощником капитана, и несколько новичков, проходивших годичный испытательный срок. На каждой галере было около двух сотен гребцов, от 50 до 200 солдат и до 50 матросов. При ближней навигации капитаны обычно обходились без карт, запоминая расположение мысов, островов, бухт и якорных стоянок.

Во время длительных морских экспедиций число галер орденского флота было не меньше четырех. Они использовали тактику, похожую на атаку легкой кавалерии: галеры выстраивались в линию и устремлялись на врага. Чаще случалось так, что галеры курсировали по Эгейскому морю по две. В этом случае одна из галер пристраивалась за неприятельским парусником и гнала его к тому месту, где в засаде ожидала вторая. В тот самый момент, когда парусник отрывался от орденской галеры, его команда облегченно вздыхала, полагая, что находится в безопасности, из-за мыса или острова, лежащего прямо по курсу, появлялся хищный нос второй галеры, над которой развевался вымпел с восьмиконечным орденским крестом.

В конце XIV в. Орден Св. Иоанна принял участие в последней попытке средневековой Европы возродить дух крестовых походов. Стотысячная армия, составленная из французов, бургундцев, англичан и германцев под командованием старшего сына герцога Бургундского, выступила в поход, намереваясь вытеснить турок с территорий, занятых ими за Дунаем. Крестоносцы лелеяли надежду повторить успех первого крестового похода, пройдя через Анатолию до Иерусалима. Совместно с генуэзцами и венецианцами госпитальеры должны были обеспечить поддержку с моря. Орденский флот под командованием великого магистра Филибера де Найяка вошел в Черное море через Дарданеллы и Босфор и встал на якорь у устья Дуная. Однако в боевых действиях участвовать ему не пришлось. Огромная, но плохо организованная и недисциплинированная армия крестоносцев была наголову разбита легкой кавалерией турок у города Никополиса. «Поход на Никополис был крупнейшим и последним из крестовых походов. Его печальный исход с удручающей точностью повторил крайне неблагоприятную для Европы историю предыдущих крестовых походов»¹⁸, — писал известный английский историк Стивен Рэнсимен.

Захват Багдада войсками Тимура в 1392 г. до предела осложнил обстановку в Леванте. В 1403 г. госпитальеры, никогда не колебавшиеся перед заключением временных союзов со своими вчерашними врагами против нового могущественного противника, договариваются о совместных действиях с египетскими мамлюками. Согласно условиям соглашения Орден получает право открыть свои представительства в Дамьетте и Рамле и восстановить свой старый Госпиталь в Иерусалиме. Договоренность с мамлюками

приносит Ордену почти четыре десятилетия мирной передышки. Тем не менее, работы по сооружению новых фортификаций на Родосе продолжают, а галеры регулярно выходят в море из порта Мандраччио.

К середине XV в. соотношение сил в восточном Средиземноморье изменилось не в пользу госпитальеров. Взятие Константинополя в 1453 г. победоносными войсками султана Мехмета II прозвучало для Ордена сигналом смертельной опасности. Мехмет, сын султана Мурада, был одним из самых выдающихся деятелей турецкой истории. Неустрашимый и искусный полководец, он прекрасно знал классическую греческую и исламскую литературу и поэзию, свободно говорил на арабском, греческом, еврейском, персидском языках и на латыни. Европейские монархи, на которых его молниеносные набеги наводили ужас, сравнивали его с Александром Македонским. Однако в отличие от последнего Мехмет обладал крайне жестокой натурой. Это был настоящий восточный деспот. Нападение на Родос, который давно раздражал османов, стало для него лишь вопросом времени.

К моменту решительного столкновения рыцарей с турками пост великого магистра занимал француз, рыцарь овернского языка Пьер д'Обюссон. Впервые на Родос он попал 24-летним послушником в 1444 г. В 1454 г., через год после взятия Константинополя, великий магистр де Ластик направляет его в Европу с деликатной миссией сбора денег и вооружения для отражения неминуемого турецкого нападения. После возвращения д'Обюссон назначается адмиралом орденского флота и руководит возведением новых фортификаций на Родосе до 1476 г., когда он избирается великим магистром. В 1479 г. д'Обюссон направил султану послание, в котором потребовал прекратить набеги на его земли. Стало окончательно ясно, что появления турок у берегов Родоса можно было ожидать в любой момент.

Мехмет II бросил на завоевание цитадели госпитальеров 70-тысячное войско. Мощи турецкой армии Орден мог противопоставить только 600 рыцарей, включая оруженосцев, и от 1,5 до 2 тыс. человек наемных иностранных войск. На стороне рыцарей сражались и местное население, которому было роздано оружие. Количество рабов, также участвовавших в военных действиях, в те времена никто не учитывал.

При осаде Родоса, как и при взятии Константинополя, турки широко использовали осадные орудия. Высадившись на берегу живописного залива Трианда, они немедленно установили и ввели в действие свою артиллерию. В течение нескольких суток башня Сент-Николаас, являвшаяся узловым пунктом в укреплениях Родосской крепости, подвергалась непрерывному обстрелу.

В эти критические для Ордена дни великий магистр д'Обюссон показал себя выдающимся организатором, человеком непреклонной воли, умевшим решительно пресекать самые коварные происки врага. На шестой день осады, 28 мая 1480 г., в стане рыцарей объявился важный перебежчик. Это был главный артиллерийский эксперт турецкой армии, немецкий инженер по прозвищу «мастер Георг». Радушно приняв перебежчика, д'Обюссон приставил к нему шесть рыцарей, которым было поручено не спускать глаз с немца. Вскоре оказалось, что предусмотрительность великого магистра была весьма уместной. Мастер Георг был разоблачен как лазутчик, направленный турками в город, чтобы выведать уязвимые места его обороны. Он был казнен по приговору орденового суда.

В середине июля огромное численное превосходство турок и мощь их артиллерии начали сказываться на ходе осады. Южные стены города, окружавшие так называемый еврейский квартал, были практически разрушены. Защитники Родоса оказались на грани поражения. 27 июля, когда башибузуки — передовой отряд турецкого войска — пошли в атаку, казалось, что ничто уже не сможет спасти госпитальеров. Немногочисленные оставшиеся в строю рыцари отчаянно сражались в проемах полуразрушенных стен. Д'Обюссон лично возглавил оборонявшихся на самом опасном направлении. В жестокой схватке он был четырежды ранен, но продолжал сражаться, пока не упал, пронзенный копьем янычара.

Беспримерное мужество госпитальеров решило исход боя. Деморализованные башибузуки в панике откатились назад, сминая подходившее подкрепление. Началась невообразимая свалка, в которой турки потеряли не менее 5 тыс. человек. Опасаясь полного разгрома, главнокомандующий турецкими войсками Мисак-паша был вынужден дать сигнал к отступлению. На следующее утро турки погрузились на ожидавшие их суда и отбыли восвояси. По дороге Мисак-паша умер от дизентерии.

Великий магистр д'Обюссон остался в живых. Искусные хирурги орденового Госпиталя сумели залечить его раны, в том числе сквозное ранение в грудь, задевшее правое легкое.

Весной 1481 г. султан Мехмет II лично возглавил новый поход турецкой армии на Родос. Однако по пути он неожиданно скончался. Рыцари сочли, что их спасла воля Всевышнего.

Когда весть о победе Ордена достигла королевских домов Европы, на Родос хлынул поток финансовой и военной помощи. Пьер д'Обюссон немедленно развернул широкие работы по восстановлению разрушенных фортификаций Родоса. Он понимал, что рано или поздно Ордену предстояло еще сойтись в решающей схватке с турками.

Между тем события в Османской империи приняли неожиданный оборот. После смерти Мехмета II два его сына — Баязет и Джем — выступили с претензиями на султанский трон. Создавшемуся ситуацию д'Обюссон, проявивший себя блестящим дипломатом, сумел использовать для того, чтобы вновь обеспечить Ордену несколько десятилетий относительно спокойного существования.

Еще при жизни Мехмета II у д'Обюссона сложились хорошие отношения с Джемом, побывавшим на острове в качестве турецкого посла. Потерпев неудачу в попытках завладеть тронном османов вооруженным путем, Джем обратился за помощью к своему старому знакомому. Когда летом 1482 г. претендент на султанский престол посетил Родос, ему был оказан королевский прием. Осенью того же года Джем был отправлен во Францию на корабле госпитальеров. Опасаясь, что его честолюбивый брат может быть использован папой и главами королевских домов Европы, Баязет пошел на подписание соглашения с д'Обюссоном, согласно которому Ордену была выплачена компенсация за ущерб, понесенный во время осады Родоса. Когда Пьер д'Обюссон скончался на Родосе в возрасте 80 лет, ни у кого не было сомнений, что из жизни ушел один из выдающихся деятелей Ордена Св. Иоанна.

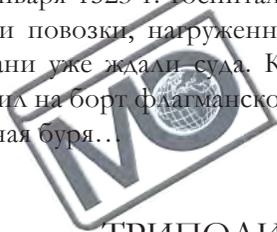
В 1517 г. Селим I окупировал Египет, укрепив турецкое влияние в Северной Африке. Его сын султан Сулейман Великолепный продолжил завоевательную политику своих предшественников. Ближайшей его целью был Родос.

В июне 1522 г. турецкий флот в составе 700 кораблей, на борту которых находилось 200-тысячное войско, направился к берегам

Родоса. Султан лично возглавил огромную армию, которая должна была покончить с возмутителями спокойствия Османской империи. Осада Родоса продолжалась шесть месяцев. Рыцари проявляли чудеса героизма, но армия Сулеймана Великолепного была слишком многочисленна. Стремясь избежать поголовного истребления рыцарей, великий магистр Филипп Вилье де Лиль Адам решил вступить в переговоры с султаном, предложившим госпитальерам заключить мир на почетных условиях.

Интересно отметить, что рыцари с их наивным средневековым суевием были уверены, что от окончательного разгрома Орден спасло Провидение. Дело в том, что де Лиль Адам был избран великим магистром в его отсутствие. Когда орденский капитул отдал ему свои голоса, великий магистр находился на борту корабля, возвращавшегося из Франции на Родос. Разразилась страшная буря, молния ударила в корабль, убив несколько матросов. Из находившихся на корабле в живых остались лишь немногие, в том числе де Лиль Адам, хотя, согласно легенде, меч, который висел у него на поясе, расплавился. Случилось это у берегов Мальты.

1 января 1523 г. госпитальеры навсегда покинули Родос. Волы тянули повозки, нагруженные многотомными архивами Ордена, в гавани уже ждали суда. Когда великий магистр де Лиль Адам вступил на борт флагманского корабля «Святая Анна», разразилась снежная буря...

ТРИПОЛИЙСКИЙ ЭПИЗОД

Путь госпитальеров от Родоса к берегам Европы был долог и труден. Их флот насчитывал 50 судов всех форм и размеров, включая 17 транспортных, арендованных у родосцев. На борту находилось около 5 тысяч человек, включая больных и раненых. Суда медленно продвигались в бурном зимнем море. За веслами галер впервые в истории Ордена сидели сами рыцари: по приказу султана все рабы-мусульмане, служившие в орденском флоте, были отпущены на свободу. На острове Кандия госпитальерам был устроен торжественный прием. Однако рыцари вели себя сдержанно. Они помнили, что венецианцы, владевшие островом, отказались помочь им во время осады Родоса.